

Н. И. Петров

**О «ТРАПЕЗЕ НИКОЛЫ» В «СЛОВЕ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ
ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ СВЯТАГО АРХИЕПИСКОПА
ХРИСТОВА НИКОЛЫ ИЗ МИР В БАР ГРАД»**

Древнерусское «Слово на перенесение честных мощей святого архиепископа Христова Николы из Мир в Бар град» начинается следующей фразой: «Присно оубо долъжни есмы братие празднигы Божиа творяще въ честь держати подобити же ся святымъ его. и подвижно искати спасения присно испытавше тако по образу Божию сътворены быхомъ оугодная пред Нимъ сътворше. якоже блаженны сотвори великыи словущии архiereи Христовъ Никола. его же (то есть Николы. — *Н.П.*) тряпезы ныне хоцю вамъ предъставити. от неяже вкоусите и видите яко благъ Господь оуповающимъ нань. благъ Господь надеющимся нань. благъ Господь любящимъ Его. благъ Господь творящимъ волю Его»¹. (Данный текст происходит из Троицкого списка конца XIV века, который можно считать самой ранней рукописью, сохранившей начало «Слова на перенесение честных мощей...» В Сахаровском списке XIII–XIV веков значительная часть начала Слова отсутствует. Вводная часть не отражена и в тексте Слова, обнаруженном Е.А. Смыкой в Прологе конца XIII века²; повествование начинается здесь непосредственно с указания на «лето» («от выплощения Самого Бога»), в которое произошло описываемое событие³. Думается, что отсечение введения — а, возможно, также и бо́льшая лаконичность текста в сравнении с другими списками памятника — было обусловлено в данном случае особенностями формирования именно *проложной* редакции Слова.)

Некоторая неясность слов «его же тряпезы ныне хоцю вамъ предъставити» была отмечена уже И.А. Шляпкиным: «Не говорится ли здесь о престоле церкви во имя св. Николая? Или об освящении храма во имя свято-

го?»⁴ Любопытно, что в более позднем списке XVII века рассматриваемая фраза звучит несколько иначе и «трапеза» здесь уже не связывается напрямую с именем св. Николая: «...Днесь святого и великаго архиерея Христова, оугодника Николы память сотворяюще почтемь, и тако сошедшеся вси вернии духовныя трапезы насладимся...»⁵ Кстати, и в 1990-х годах Н.В. Савельева, комментируя полностью аналогичное фразе из Троицкого списка упоминание именно «трапезы Николы» в Софийском списке Великих Мней Четых митрополита Макария, отметила, что «слово “трапеза” в данном случае имеет значение “трапеза духовная”»⁶. Однако в таком случае непонятным становится адресованное слушателям Слова указание на «представление» «трапезы Николы», убеждающее нас в том, что речь здесь идет о некоем физически осязаемом предмете. Именование «трапезой» престола храма⁷, заставляет вслед за И.А. Шляпкиным предположить, что автор Слова указывает на одну из хорошо известных ему и его современникам Никольских церквей или же речь здесь идет о каком-то приделе храма, освященном в честь мирликийского святителя.

Для верного понимания рассматриваемого упоминания «трапезы Николы» необходимо принять во внимание предполагаемые обстоятельства появления «Слова на перенесение честных мощей...» — связь данного сочинения с учреждением в Киеве в начале 1090-х годов праздника перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари представляется несомненной⁸. Вряд ли можно столь же однозначно расценивать мнение архимандрита Леонида (Кавелина) о прп. Ефреме Переяславском, как об авторе «Слова на перенесение честных мощей...»⁹ Однако нельзя не признать большую вероятность принадлежности Слова предполагаемому инициатору установления на Руси апулийского празднования событий 1087 года. (Попутно хотелось бы заметить, что в упоминании «представления» слушателям Слова «трапезы» слышится некий намек на епископское достоинство автора рассматриваемого текста¹⁰.)

Обращаясь к обзору существующих предположений о соответствии «трапезы Николы» из «Слова на перенесение честных мощей...» тому или иному киевскому храму, следует прежде всего отметить, что некоторый акцент автора этого сочинения на современности ему «трапезы» — «ныне хоцю вамь предъставити» — должен указывать скорее всего на какой-то престол, который был освящен совсем недавно (или же освящение этого престола ожидалось в самом ближайшем будущем). Данное обстоятельство делает еще более очевидной несостоятельность утверждения Н.В. Верещагиной о том, что «о существовании престола в честь святителя (Нико-

лая. — Н.П.) и найденных (? — Н.П.) его мощах в одном из киевских первохрамов (скорее всего, именно в Десятинной церкви), по некоторым наблюдениям, свидетельствует Поучение на перенесение мощей святого Николая, составленное русским автором в конце XI века»¹¹. Предположению о сооружении Никольского придела первой каменной древнерусской церкви уже в конце X века¹², конечно же, следует предпочесть убедительное мнение Ю.Б. Бирюкова о встраивании Никольского придела в юго-западный угол рунированной Десятинной церкви лишь в 1240-х годах¹³.

Какие же престолы могли быть освящены во имя св. Николая Чудотворца в Киеве в последнем десятилетии XI века?

Во-первых, следует обратить внимание на высказанное Д.Г. Хрустальевым предположение о возможном освящении Никольского придела на хорах Софийского собора в 1090-х годах — исследователь соотнес появление этого придела с отмеченным в месяцеслове Мстиславова Евангелия освящением киевской Софии митрополитом Ефремом и датировал последнее 1095 годом¹⁴. Впрочем, нельзя не признать очевидную гипотетичность этой точки зрения. Конечно же, предположение о том, что киевский владыка, произнося в начале 1090-х годов в Софийском соборе «Слово на перенесение честных мощей...», под «трапезой Николы» подразумевал престол нового Никольского придела, выглядит гораздо более убедительнее прозвучавшего в литературе мнения об *изначальном* существовании такового в данном храме¹⁵. Однако, например, о. Петр Лебединцев связывал устроеие Никольского придела на хорах Софийского собора лишь с деятельностью митрополита Петра Могилы¹⁶.

Во-вторых, к 1090-м годам может быть отнесено строительство первоначального Никольского храма на Аскольдовой могиле, упоминаемого в летописном рассказе об убийстве Аскольда и Дира в 882 году: «...И несоша на гору, и *погребоша* и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, где ныне Ольминъ дворъ; на той могиле поставил *Ольма* церковь свягаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною»¹⁷. По мнению А.А.Шахматова, указания на топографические ориентиры могил Аскольда и Дира появляются только лишь в Начальном летописном своде¹⁸ и кажется, что летописец сознательно акцентирует внимание именно на *современных ему* ориентирах Аскольдовой могилы («еже ся ныне зоветь», «где ныне»). Думается, что речь в этом летописном рассказе идет и о совсем недавнем возведении Никольского храма; составитель Начального свода, завершивший работу над ним около 1095 года¹⁹, сам мог быть очевидцем данного строительства. (Показательно, что упоминание далее в качестве ориентира урочища Диро-

ва могила построенной пятьюдесятью годами ранее церкви св. Ирины уже не сопровождается какими-либо подробностями.) Хронологическая же близость строительства этой Никольской церкви установлению в Киеве празднования перенесения мощей св. Николая и скандинавское имя ее ктитора позволяют ставить интереснейший вопрос об активном участии выходцев из Скандинавии в восприятии на Руси нового церковного праздника²⁰. Итак, в хронологическом отношении ничто не мешает нам допустить, что автор «Слова на перенесение честных мощей...» мог «хотеть представить» его слушателям престол храма на Аскольдовой могиле. Однако если предполагаемое акцентирование автором Слова внимания на Никольском приделе Софийского собора выглядит вполне уместным, то причины, по которым киевский владыка мог бы включить в свое сочинение указание на частную строительную инициативу одного из знатных киевских варягов, остаются неясными.

Конечно же, не следует забывать, что автор Слова мог иметь в виду и какой-то неизвестный нам ныне Никольский храм. Но можно предложить и еще один вариант понимания упоминаемой в «Слове на перенесение честных мощей...» «трапезы Николь». По мнению И.А. Шалиной, «выражение “его трапеза” свидетельствует о сотворении литургии на престоле св. Николая, по-видимому, находившемся в одном из центральных храмов Киева в конце XI века. В его основании могли лежать частицы мощей святого, предположительно привезенные в 1091 году Феодором Греком, приехавшим из Рима в качестве посла папы Урбана II, которым освящался храм в Бари»²¹. Однако в связи с западноевропейским происхождением древнерусского праздника перенесения мощей Николая Чудотворца стоит обратить внимание на существовавшую и в ту пору в западной Церкви практику использования *переносных* престолов²². Не касаясь здесь вопросов о происхождении сообщения Никоновской летописи про прибытие на Русь в 1091 году из Рима Феодора Грека, о статусе этого человека и о непосредственной связи данного события с учреждением на Руси апулийского праздника²³, следует все же признать, что последнее конечно же не могло не сопровождаться принесением в Киев из Бари частиц мощей св. Николая Чудотворца. И ничто не мешает нам предположить, что эти частицы мощей могли находиться в переносной «трапезе», переданной Урбаном II киевскому митрополиту.

Подобный эпизод древнерусской церковной жизни (связанный, таким образом, с западной литургической практикой) видится вполне допустимым, если принять во внимание активное присутствие в Киеве XI столетия выходцев из Западной и Северной Европы, будь то супруга Ярослава Вла-

димировича или жены его сыновей — Изяслава и Святослава. Не стоит недооценивать влияние этих женщин на местную церковную жизнь. Так, например, предполагается, что Гертруда была основательницей монастыря св. Николая²⁴, а Ода имела отношение к основанию другой киевской обители — св. Симеона²⁵. Предпринятое же Ярославом в 1044 году так называемое «крещение костей» Ярополка и Олега Святославичей обнаруживает ближайшие аналогии в похожих скандинавских обрядах²⁶, что заставляет обратить особенное внимание на шведское происхождение Ингигерд.

Известно, что в пору установления на Руси апулийского праздника перенесения мощей св. Николая Чудотворца события, произошедшие в Константинополе в 1054 году, еще не воспринимались как начало раскола церкви и в самой Византии²⁷, и на Руси²⁸. Существенное ухудшение древнерусско-западноевропейских церковных взаимоотношений относится лишь ко времени киевского княжения Владимира Мономаха²⁹. Как показала Е.Б. Рогачевская, противопоставления восточного и западного христианства не обнаруживается и в «Слове на перенесение честных мощей...», равно как и в иных древнерусских текстах того времени, посвященных св. Николаю Чудотворцу³⁰. Таким образом, использование западных переносных престолов в Киеве той поры могло быть вполне приемлемо, хотя, возможно, и не общеизвестно; по крайней мере, неслучайно, надо думать, автор Слова особенно подчеркивает литургический контекст упоминания «трапезы» реминисценцией из 33 псалма, поющегося после заамвонной молитвы («Вкусите и видите, яко благ Господь: блажен муж, иже уповаеет на Нань» — Пс 33, 9).

Кстати, любопытное упоминание переносного престола обнаруживается в вопросе сарайского епископа Феогноста Константинопольскому патриаршему собору 1276 года. На вопрос «Подобаеъ ли, свящавъ трапезу, преносити отъ места на место, и на ней литоргисати?» собор ответил так: «Подобаеъ, занеже по нужи естъ. Ходящии людие не имеют себе упокойна места; но стрещи съ страхомъ и трепетомъ: в чисте месте поставити ю, и служити на ней»³¹. Впрочем, в данном случае причина обращения к использованию переносного престола, конечно же, связана с особенностями совершения богослужений на территории Золотой Орды. Что же касается «трапезы Николы», то видение в ней переносного престола Западной церкви представляется никак не менее вероятным предположением, чем соотнесение данного термина «Слова на перенесение честных мощей...» с престолами Никольского придела Софийского собора или храма на Аскольдовой могиле.

* * *

¹ *Шляпки И.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881. С. 1–4. «Трапезы» в процитированном тексте — множественное число (винительный падеж), однако последующее «от неаже» убеждает, что речь здесь все-таки идет о какой-то одной определенной «трапезе».

² *Смыка Е.* Die Offizien des Heiligen Nikolaus in der russischen Kirchenmusik des 12. bis 17. Jahrhunderts. (Musikwissenschaft an der Technischen Universität Berlin. Band 6.) Berlin, 2005. S. 161–163.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Екатерину Александровну Смыку за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой книгой и консультации по указанной проложной редакции Слова, а также — мою маму Ларису Афанасьевну Петрову за перевод немецкого текста. (См. также: *Легких В.И.* Службы на Преставление и Перенесение мощей святителя Николая Мирликийского в славянской рукописной традиции XII — начала XVII века. Текстология и гимнография. СПб., 2011. С. 108.)

³ Пролог на март—июль (отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.п. I.47). Л. 32 об.—33.

⁴ *Шляпки И.* Русское поучение... С. 11 (примеч. 1).

⁵ *Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 51; *Хрусталева Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 182.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12 (XVI век). С. 238, 574. Ср. мнение Д.Г. Хрусталева, согласно которому, «фраза о “представлении трапезы” вполне может быть отнесена и непосредственно к учреждаемому празднику» перенесения мощей св. Николая Чудотворца (*Хрусталева Д.Г.* Разыскания... С. 183). Об отмечаемой же Н.В. Савельевой «реминисценции из Псалтыри», относящейся к «трапезе», см. ниже.

⁷ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III: Р–ІА и дополнения. СПб., 1912. С. 985–986. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2001. С. 728.

«Этим словом обозначается верхняя плита... престола» (*Желтов М.С.* Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира: тез. докл. и материалы Междунар. симп. М., 2000. С. 124 (примеч. 25).

⁸ *Хрусталева Д.Г.* Разыскания... С. 171–184, 279.

⁹ *Архимандрит Леонид.* Посмертные чудеса Святителя Николая Архиепископа Мир-Ликийского Чудотворца. Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского. (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXII.) СПб., 1888. С. X–XI.

¹⁰ И.А. Шалина заменяет в русском переводе данной фразы глагол первого лица единственного числа настоящего времени («хочу вам представить») глаголом вто-

рого лица множественного числа будущего времени («совершим трапезу святому Николе») (*Шалина И.А.* Образ святителя Николая в литургической, погребальной и иконографической традиции // *Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии.* М., 2004. С. 416).

¹¹ *Верещагина Н.* Храмы и чтимые иконы святителя Николая в Киеве // Софійські читання. (Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання», Київ, 27–28 листопада 2003 р.). Київ, 2004. Вип. 2. С. 49.

¹² *Верещагіна Н.* Десятинна церква... С. 138. См. также: *Верещагіна Н.* Храмы и чтимые иконы... С. 49.

¹³ *Бирюков Ю.Б.* Церковь Николы в Киеве // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1995. Вып. 2. См. также: *Бирюков Ю.Б.* Из истории изучения Десятинной церкви в Киеве. Еще раз о Никольском приделе 1240-х годов // Искусство Древней Руси и стран византийского мира: материалы Науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. 3–4 декабря 2007 года. СПб.; М., 2007.

¹⁴ *Хрусталеv Д.Г.* Разыскания... С. 159, 161, 183, 345–349.

¹⁵ *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 2004. С. 189.

¹⁶ Описание Киево-Софійского кафедрального собора. Киев, 1882. С. 11–12, 82–83.

¹⁷ Цит. по: Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. Л., 1983. С. 33. См.: *Петров Н.И.* О времени и обстоятельствах строительства первого Никольского храма на Аскольдовой могиле в Киеве // Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. тр. СПб., 2012. Вып. 3 (К 10-летию кафедры исторического регионоведения).

¹⁸ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 231, 233, 387–388; *Он же.* Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 370.

¹⁹ *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 379.

²⁰ *Петров Н.И.* Перенесение мощей св. Николая Мирликийского: варяжский контекст древнерусского церковного праздника // Праздники и обряды как феномены этнической культуры: материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2011. С. 54–56.

²¹ *Шалина И.А.* Икона «Святой Никола» из Свято-Духова монастыря. Литургический смысл и экклесиологизация образа // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 357, 360.

²² Священник Константин Никольский. Об антимирах Православной русской церкви. СПб., 1872. С. 17–19 (примеч. 1).

²³ См.: *Хрусталеv Д.Г.* Разыскания... С. 243–255. Стоит все же здесь отметить высказанное мимоходом Е.Е. Голубинским предположение о том, что Феодор Грек

и является автором «Слова на перенесение честных мошей...» (*Голубинский Е.* История Русской церкви. Т. I (Период первый, киевский или домонгольский). Первая половина тома. 2-е изд., испр. и доп. М., 1901. С. 775 (примеч. 1).

²⁴ *Попнэ А.* Гертруда-Олисава, *русская княгини*: Пересмотр биографических данных // *Именослов. Историческая семантика имени*. М., 2007. Вып. 2. С. 222–223.

²⁵ *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектории традиции. Главы из истории диаспоры и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 18–19.

²⁶ *Успенский Ф.Б.* Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // *Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Елены Александровны Мельниковой*. М., 2001. С. 413; *Он же.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 141–168.

²⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 63. См. также: *Хрусталева Д.Г.* Разыскания... С. 197–198.

²⁸ *Костромин К.А.* Психологический аспект нарастания межконфессиональной напряженности христианской церкви в Древней Руси // *Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений: материалы XXV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 12–13 мая 2009 года*. СПб., 2009.

²⁹ *Костромин К.А.* Разделение церквей в контексте взаимоотношений Киевской Руси с Западной Европой во второй половине XI века // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История»*. Вып. 3. Сентябрь. СПб., 2010. С. 87–88; *Он же.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 11.

³⁰ *Рогачевская Е.Б.* Запад и Восток в памятниках книжности о Николае Мирликийском // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 8. М., 1995. С. 70; *Она же.* Цикл памятников о Николае Мирликийском // *Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв.* М., 1996. С. 50.

³¹ Ответы Константинопольского Патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*. Т. VI. (Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI–XV вв.). СПб., 1880. С. 136.

«Под “ходящими”, — отмечает А.С. Павлов в комментариях, — разумеются, без сомнения, кочевники в пределах сарайской епархии».